

СУД ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Нешатаевой Т.Н.
(дело № СЕ-1-2/2-21-КС)

14 апреля 2021 года

город Минск

В целом соглашаюсь с вынесенным решением Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2021 года по делу по заявлению акционерного общества «СУЭК-КУЗБАСС», но считаю, что в мотивировочной части решения не нашел достаточного отражения важный вопрос об ответственности за невыполнение международных обязательств и о природе права Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз), неоднократно встречавшийся в практике Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд).

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, вновь (см. особые мнения к решениям по делу ЗАО «Санofi-Авентис Восток» и по делу ООО «Монокристалл») заявляю особое мнение по данному вопросу.

Не могу согласиться с позицией об «автономности» права Союза, ограниченного источниками, перечисленными в статье 6 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор). Эта позиция с подачи Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) постоянно повторяется в ходе судебных разбирательств, а в деле АО «СУЭК-КУЗБАСС» даже было заявлено ходатайство о привлечении к делу государства – члена ЕАЭС, отклоненное Судом.

Суд последовательно отвергает такой ограниченный подход. Так, в решении Апелляционной палаты Суда от 21 июня 2016 года по делу по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» Суд установил, что «международный договор, не являющийся международным договором в рамках Союза или международным договором Союза с третьей стороной, подлежит применению в рамках Союза при наличии двух кумулятивных условий: 1) все государства – члены ЕАЭС являются

участниками международного договора; 2) сфера действия международного договора относится к области единой политики в рамках ЕАЭС». Затем эта позиция была повторена в решении Апелляционной палаты Суда от 31 октября 2019 года по делу по заявлению ООО «Шиптрейд» и в решении Коллегии Суда от 22 февраля 2021 года по делу по заявлению ООО «Поларис Инт».

В пункте 50 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору; далее – Статут Суда) в числе источников права, применяемых Судом при осуществлении правосудия, указаны «международные договоры в рамках Союза и иные международные договоры, участниками которых являются государства – стороны спора».

Буквальное прочтение этой нормы позволяет прийти к выводу, что Судом должен применяться более широкий круг договоров (не только те, в которых одновременно участвуют все государства – члены Союза) в целях контроля соответствия норм права Союза нормативным обязательствам государств, создавших такой Союз. При этом нормоконтроль осуществляется Судом в особой процессуальной форме – при разрешении спора о коллизии норм права.

Согласно пункту 2 статьи 1 Договора Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью. Иными словами, ЕАЭС – вторичный субъект международного права, международная организация, созданная государствами для достижения интеграционных целей в сфере экономики (на данном этапе).

Согласно преамбуле Договора, Союз создан на основе приверженности целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, а также другим общепризнанным принципам и нормам международного права. Согласно статье 3 Договора, Союз осуществляет свою деятельность в пределах компетенции, предоставляемой ему государствами-членами в соответствии с Договором, на основе уважения общепризнанных принципов международного права. Одним из важнейших принципов международного права является принцип *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться), а также принцип *friendly relations among nations* (дружественные отношения между нациями; пункт 2 статьи 1 Устава Организации Объединенных Наций).

Отсюда следует, что объем права Союза шире указанных в статье 6 Договора источников права Союза и включает иные источники международного права, которые, в частности, перечислены в пункте 50 Статута Суда.

Международной организации, ее органам переданы функции (полномочия, компетенция) государств, в том числе в области исполнения международных договоров (вытекающие из договоров). Учитывая, что полномочия существуют только в паре с обязанностями, следует сделать вывод, что функция международной организации включает парную категорию «полномочия – обязанности».

Таким образом, сам Договор определяет обязанность органов Союза соблюдать взятые государствами-членами обязательства, вытекающие из международных договоров: то, что обязательно для государств – членов Союза, обязательно и для органов Союза в сфере переданной ему компетенции.

Особенно это касается тех сфер, которые отнесены правом Союза к единой политике. В консультативном заключении от 4 апреля 2017 года Суд на основании определений, приведенных в статье 2 Договора, сделал вывод, что для отнесения определенной сферы к единой политике необходимо соответствие следующим условиям: 1) наличие унифицированного правового регулирования; 2) передача государствами-членами компетенции в данной сфере органам Союза в рамках их наднациональных полномочий.

Суть наднационализма заключается в том, что государства отказываются от своей функции и передают ее в международную организацию. Передача полномочий по выполнению функции от государств-членов Евразийской экономической комиссии предполагает, что вместе с ними передаются и все ограничения и обязательства, действовавшие для государств-членов в соответствующей сфере, и ответственность, предусмотренная за их неисполнение.

Таким образом, в сферах, отнесенных к единой политике, должны применяться все международные договоры, в которых участвуют государства – члены Союза.

Иной подход позволял бы государствам – членам Союза обходить взятые на себя международные обязательства через участие в международной организации – ЕАЭС, означал бы нарушение принципов добрососедских отношений, закрепленных в Уставе Организации Объединенных Наций, и нарушение статьи 3 Договора. Между тем государства – члены ЕАЭС обязались создать благоприятные условия для выполнения Союзом его функций и воздерживаются от мер, способных поставить под угрозу достижение целей Союза, в том числе в области соблюдения договоров в сфере международной торговли.

В деле по заявлению АО «СУЭК-КУЗБАСС» речь идет о таможенных отношениях и Международной конвенции о

Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (далее – Конвенция о ГС) как международном договоре.

Взаимосвязанное прочтение статей 5 и 25 Договора, пункта 3 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору) позволяет заключить, что функция осуществления таможенного регулирования передана государствами-членами в компетенцию Союза и осуществляется Комиссией.

Таким образом, Конвенция о ГС входит в международное право, обязательное для Союза, и обязательства по ней не могут игнорироваться на том основании, что сам Союз как международная организация в ней не участвует.

Данный вопрос был ранее разрешен в нескольких решениях Суда ЕАЭС и Суда Евразийского экономического сообщества, что позволяет говорить об установившейся единообразной практике Суда: во всех ранее названных решениях Суд подчеркивает международный характер Союза без упоминания «автономности» (конституционности, федеративности и т.д.) правопорядка Союза. При этом статья 6 Договора («Право Союза») содержит не исчерпывающий список источников, но порядок разрешения коллизионных проблем между источниками международного права.

Как и в прежних решениях, Коллегия Суда установила, что дискреция Комиссии при принятии решений об изменении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕАЭС (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) диктуется обязательством по соответствию ТН ВЭД ЕАЭС ее международной основе – Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (далее – ГС). Как готовящиеся к принятию проекты решений Комиссии, так и уже принятые решения по внесению изменений в ТН ВЭД ЕАЭС и по классификации отдельных видов товаров должны проходить обязательную проверку на соответствие ГС.

Суд в своем толковании также должен учитывать международную нормативную основу – Гармонизированную систему. Как следствие этого понимания Суд никогда не определял правопорядок ЕАЭС в качестве независимой от общего международного права правовой системы (автономность – понятие, используемое Судом Европейского союза).

В ЕАЭС преамбула, статьи 1 и 3 Договора подчеркивают, что право Союза основывается на базе общего международного права: Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью, строится на принципах приверженности целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, а также другим общепризнанным

принципам и нормам международного права, принимает во внимание нормы, правила и принципы Всемирной торговой организации.

Точно так же и сотрудничество Суда ЕАЭС с национальными судами государств-членов строится отличным от Европейского союза образом: на взаимоуважительном диалоге, то есть национальные суды ссылаются на решения международного суда, и суды поддерживают позиции друг друга, находясь в судебном диалоге. В случае расхождения практик компромисс будет найден посредством согласования позиций во избежание фундаментальной ошибки: евразийский консенсус должен находиться в основе решений евразийского суда.

Консенсус возникает без приказа, без требования соблюдать, но с аргументированным убеждением друг друга прислушиваться к тому, как суды толкуют ту или иную норму. Последнее необходимо, так как право ЕАЭС имеет сложную структуру: в основе лежит международный договор, под ним стоит закон, и под всем этим располагается взаимосвязанное толкование, которое не может противоречить подходам национальных конституционных судов. Всё названное должен учитывать Суд ЕАЭС, ибо ставка на преодоление консенсуса приказом, властью наднационального органа способна ослабить интеграцию.

Судья

Т.Н. Нешатаева